

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова

МЕСТА ПАМЯТИ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ТЕРРИТОРИЙ В МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ГОРОЖАН*

В статье описано использование метода ментальных карт при изучении современного городского пространства. Осенью 2011 г. были собраны 122 карты, на которых были изображены различные территории Свердловской области. На основе концепций ментальных карт (Кевин Линч) и определения мест памяти (Пьер Нора) выработана исследовательская стратегия анализа элементов индустриального городского пространства. Выделены базовые элементы образа города. Авторы приходят к выводу об особенностях построения образа индустриального города, централизованного на символически значимых элементах, которые выступают материалом для прикрепления населения к территории и конструирования локальной идентичности.

Ключевые слова: *метальные карты, места памяти, символический капитал, локальная идентичность.*

Понимание процесса производства и воспроизводства социального пространства предполагает исследование восприятия населением собственного места проживания. Этот процесс и его результаты, с одной стороны, являются материалом для построения связей с ограниченным

---

* Исследование «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов» проводится при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области (№ гранта 10-06-96021). Методы исследования — телефонный стандартизированный опрос, полужформализованное интервью, групповые дискуссии, создание ментальных карт.

Вандышев Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (mishavandyshov@ Rambler.ru)

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (vesselkova@yandex.ru)

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Института фундаментального социально-гуманитарного образования Уральского государственного педагогического университета (pryamikova@yandex.ru)

фрагментом территории, на котором находится некоторое число материальных объектов и совместно проживает некоторое число людей. С другой, само восприятие определяет рамки, в пределах которых развивается деятельность территориальных акторов.

В восприятии обывателя физические / материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость и становятся, например, привлекательными или непривлекательными с позиций устройства собственной жизни. Человек под влиянием различных обстоятельств меняет свое отношение к этим пространственным объектам. Это очевидно на примере личного жилища, но в масштабах города может размываться посредством множественности воздействий.

Согласно одной из доминирующих в современной науке точек зрения, социальное пространство выражает себя посредством пространства физического (Бурдьё 2007). Социальное и физическое пространства взаимосвязаны, первое присваивает и изменяет второе посредством собственных внутренних процессов различения, например, в ходе интерпретации. Так меняется облик города, распределяются кварталы и места обитания различных групп, тем самым в социальном пространстве соединяются объективные и субъективные характеристики. Мы не будем вдаваться в особенности дискуссии о природе социального пространства (как размерности социального взаимодействия, как конфигурации социальных дистанций и пр.), подчеркнем лишь условность подобного деления для «обычного» человека.

Концепция символического капитала Пьера Бурдьё обращена к процессу коммеморации — каким образом конструируются и поддерживаются дистанции в пространстве, каковы механизмы его организации и структурирования. В концепции французского историка Пьера Нора формирование территориальной идентичности происходит за счет символического выделения / подчеркивания особых мест, другими словами, пространство репрезентируется, структурируется, приобретает определенный порядок. Мы используем указанные концепции для ответа на вопрос, что представляет собой символический капитал территории и каковы возможности его измерения.

Город как ловушка, из которой трудно выбраться, или как место, которым хотелось бы гордиться, — эти оценки являются полюсами восприятия территории своего проживания. Подобное отношение не привязано к конкретной местности — жители одного города дают крайне противоречивые оценки пространства собственной жизни. Моногород, средний и малый индустриальный город в современной России являются самыми проблемными зонами в силу последствий ускоренной индустриализации, в том числе недостаточно развитой социокультурной инфраструктуры. В результате одним из слабых мест становится капитализация простран-

ства городов — какие объекты города обладают ценностью, могут быть капитализированы и использованы в качестве основы для устойчивого развития? Ответ на этот вопрос традиционен — это предприятия, способные обеспечивать население трудовыми местами. Однако, наряду с материальным воплощением, капитал имеет и воплощение символическое. Более того, они неразрывно связаны между собой. Благодаря процессу символизации капитал становится полноценным участником социальных взаимодействий, обеспечивая устойчивое развитие города. В нашем понимании, *символический капитал территории* представляет собой объективированные и структурированные представления о значениях элементов, организующих городское пространство, являющихся основой его узнавания, признания и устойчивой идентификации.

Система управления пространством основана на манипулировании символическим капиталом территории. Подчеркивание значения, например, развития градообразующего предприятия или возможностей повышения туристической привлекательности местности всегда служит способом не только презентации и привлечения инвестиций, но и провоцирует (ориентирует) жителей на те или иные виды деятельности. Показательна ситуация уральского города Качканар, когда выбор вектора стратегии развития был сделан не в пользу строительства горнолыжного курорта, а разработки нового месторождения*. Несмотря на то, что горожане не принимали участия в этом решении, все освещение данного вопроса было направлено именно на них.

В социологии существует вполне сформированная, устойчивая традиция картографирования городского пространства**. Оно может осуществляться разными способами и по самым разным поводам. Определение значимых мест происходит в процессе создания ментальных карт. Этот метод позволяет не только выявить особенности восприятия территории, но и определить места концентрации символического капитала. Такие карты, создаваемые информантами по просьбе исследователей по принципу «здесь-и-сейчас», являются спонтанными набросками. Люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города. Ментальные карты не столько выявляют сложившийся образ, сколько улавливают *опыт города* информантов. Элементы ментальных карт разнообразны —

---

* См., например: [<http://news.mail.ru/inregions/ural/66/economics/13683715/?frommail=1>] (дата доступа 28 июня 2013 г.)

** Напр., исследование Чарльза Бута считается классическим исследованием городского пространства, в результате которого была создана подробная социальная карта города. Подробный архив работ Ч. Бута доступен на сайте Лондонской школы экономики: [<http://booth.lse.ac.uk/>].

в том числе они содержат так называемые «места памяти». Это квинтэссенция символического капитала территории, которая артикулирует ее идентичность в представлениях обитателей (аборигенов) и которая так или иначе транслируется вовне. В нашем исследовании смешиваются интеллектуальная традиция ментальных карт и традиция мест памяти.

Ментальные карты визуализируют представления о *местности, но человек не обязательно должен там жить*. Карты городов наши информанты рисовали по памяти, находясь преимущественно в Екатеринбурге. Информантам предлагалось нарисовать «*свой город*» без каких-либо комментариев, расшифровывающих, что значит «свой». Участникам исследования было дано следующее задание: произносилась всего одна фраза «Нарисуйте свой город», без всяких пояснений. Задача состояла в том, чтобы информант сам решил, какой город считать своим*. Такой акцент позволил актуализировать обращение к значимым местам городского пространства**. В результате мы получили как минимум три группы карт:

1) карты города рождения / взросления, города, в котором информант провел большую часть жизни (в результате мы получили карты поселений разного типа — от крупных городов до деревень, последние не были отбракованы, поскольку в них зафиксирован жизненный опыт, обозначены «места памяти»);

2) карты города текущего проживания, даже если опыт этого проживания не слишком большой;

3) карты идеального или воображаемого города, в котором информант предпочел бы жить.

Американский исследователь Кевин Линч утверждал, что в любом городе можно выделить несколько универсальных элементов: *«Результаты исследований позволяют выявить содержимое образов города, соответствующее с предметными формами, и для удобства классифицировать*

---

* Смысловую мозаику ментальных карт можно прояснить в процессе сбора информации. В нашем случае после окончания рисования информантов просили дать краткие пояснения по поводу изображенного.

** В исследовании принимали участие студенты вузов Екатеринбурга. В октябре-ноябре 2011 г. было собрано 122 ментальных карты, но не все из них попали в поле исследовательского анализа. В данной статье не освещены элементы и структура ментальных карт воображаемого города. В качестве объекта исследования были выбраны студенты вузов Екатеринбурга, проживающие постоянно в других городах. Это обусловлено следующим обстоятельством. Студенты находятся в состоянии перехода в восприятии своего родного города, в том числе, в процессе определения своей территориальной идентичности, поэтому они могли выбрать в качестве своего города место, в котором они родились и выросли, где они проживают сейчас или где хотели бы проживать в будущем.

последние: пути, границы, районы, узлы и ориентиры. У этих элементов действительно универсальный характер, поскольку они проявляются в множестве типов образа окружения» (Линч 1982).

Отсутствие расшифровки изначального задания (участникам исследования не было высказано никаких рекомендаций о порядке создания образа города) привело к тому, что информанты чаще всего рисовали те места, которые выбрали сами, а значит, актуальные и значимые лично для них. Таким образом, метод ментальных карт в нашем случае пересекается с отсылкой к «местам памяти», в рамках традиции Пьера Нора. Места, «где память кристаллизуется и находит свое убежище» (Франция-память 1999), в исследовании французских историков связаны с историческими событиями, в нашем же случае за основу берется жизненный опыт индивидов.

Субъектно-ориентированные аспекты образа окружения (Веселкова 2010), согласно позиции К. Линча, включают: 1) опознаваемость — насколько отдельное место различимо среди других; 2) структуру — соотнесенность объекта с наблюдателем и другими объектами; 3) практическое или эмоциональное значение места для информанта. В нашем случае наиболее важным оказалось последнее. Места памяти в таком случае в большей степени являются материальным выражением эмоций (рис. 1).

Информанты рисуют места, которые с неизбежностью указывают на определенную местность (известные жителям достопримечательности — театр, храм, памятники). Наличие яркого эмоционального подтекста говорит о личностном присвоении пространства. Независимо от того, что рисовали участники исследования, город или деревню, они либо изображали места, значимые для их личного опыта (*город для себя*), или создавали «рекламный» образ города (*город для других*). В первом случае город предстает как некий фрагмент личной жизненной среды (дом, двор, для детей — дорога из дома в школу и т. п.). Изображаются локальные элементы, обладающие (нагруженные) некими особыми значениями. Во втором случае город «предъявляется» другим, информанты весьма избирательно подчеркивают те или иные элементы городской среды. На картах была обнаружена разная степень локализации, начиная от места проживания и заканчивая всеми основными достопримечательностями города.

Структура карт может быть разнообразной, единство задается самим пространством рисунка, выбором рисуемого, что включать в нее, а что не включать. Очевидные для одних элементы могут даже не прийти в голову другим информантам, рисующим тот же самый город, в восприятии горожан целые куски города остаются белыми пятнами (Линч 1982). В нашем исследовании единство выражается в целостности представленного образа города. Карта города как набор образов — церковь

«На этом рисунке я изобразила три самых важных, наверное, для меня объекта, находящихся в той деревне, где я живу. Это, прежде всего бабушкин дом, который постоянно наполнен уютом, заботой и любовью. Приезжая туда, я очень отдыхаю душой, морально и физически. Второй объект — это обелиск наш, обелиск славы, у которого я много времени в детстве провела, в школе особенно..., экскурсии различные... и просто... меня саму тянуло к этому месту, потому что... прадеды и прабабушки все мои на фронте погибли... И третий объект... это старая разрушенная церковь **наша**, которую начали восстанавливать, но почему-то не продолжают, а местные жители, как раньше они ходили молиться в церковь, продолжают ходить. И вот я занималась краеведением в школе, и вот немножко знаю об этой церкви, что там до сих пор сохранились фрески внутри, их достаточно плохо видно, если не присматриваться, но присмотревшись можно заметить» (ж, 19 л., Екатеринбург, 2011).

Рис. 1. Ментальная карта поселения Большое Седельниково*

и памятник В.И. Ленину могут располагаться рядом, несмотря на существующее пространственное (в физическом смысле) и идеологическое противоречие. Таким образом, создается свой личный (субъективный) образ города, который может очень сильно варьироваться в зависимости

* Формулировка задания — «Нарисуйте свой город» — для некоторых участников была не совсем приемлема, потому что «своей» территорией они считали деревню, и, соответственно, ее рисовали.

не только от конкретного места проживания (район), но и от личного жизненного опыта информанта. Так, мамы рисуют детские площадки, дворы, медицинские работники на первый план помещают больницу (в то время как другие люди стараются вообще избежать этого, поскольку с этим местом могут быть связаны не очень приятные воспоминания).

Места памяти в таком случае означают практически то же самое, что и значимые места. Если речь идет о городе для других, то значимые места одновременно выступают и выражением символического капитала. Это, как правило, социально одобряемые места (рестораны, «кабаки» — как пренебрежительно говорит один из информантов, к ним не относятся).

В любой карте уникальный жизненный мир информанта встречается с общими, по крайней мере, для данной социальной группы, социокультурными матрицами. Индивидуальность восприятия (личный опыт), групповая идентичность (демонстрация мест, позволяющих гордиться своим городом), социальная «детерминированность» (не хотелось бы рисовать завод, но надо, поскольку он есть) причудливо переплетаются в каждом рисунке информанта и позволяют анализировать соотношение обязательных и желаемых, приятных и неприятных, значимых и не-значимых элементов городского пространства.

Степень оседлости населения неразрывно связана с сочетанием материальных и нематериальных элементов пространства. Вполне очевидные причины боязни смены места жительства, такие как возможные риски потери материального благосостояния, потеря освоенного «места» жизни (территории), необходимость хотя бы частично воссоздавать социальную сеть на новом месте, подкрепляются символической ценностью привычного проживания. Эти условия становятся благоприятными для актуализации позитивной идентификации со «старым местом». Места памяти (лодочная станция, памятники, культовые учреждения, зеленые насаждения, красивые фасады зданий, фонтаны) играют роль символов, которые подчеркивают значение, привлекательность территории. Они же становятся причиной недовольства, если привычная инфраструктура начинает разрушаться. В целом же они задают каркас восприятия города и являются узловыми элементами визуального рассказа о городе.

Территории, которые изображаются информантами, имеют четко выраженные черты, особенно если речь идет об одном регионе, в нашем случае уральском. Типичные элементы, проявляющиеся на многих рисунках, чаще всего заданы общими принципами структуры организации промышленного города (например, трубы с клубящимся дымом, заводы и шахты и пр.), особенностями природного ландшафта (горы, перепады высот, лесные массивы). Присутствуют и специфические элементы,

обусловленные культурным и историческим развитием территории. Присвоение мест коллективной памяти, таким образом, становится важной проблемой, решение которой может воспроизводить городское пространство в разных ракурсах.

Обратимся к анализу представленных ментальных карт. Одним из ключевых элементов городского пространства, согласно рисункам информантов, являются заводы. Как сообщил автор одной из карт: «*Первоуральск как не рисуй, все равно будет завод*». На ряде рисунков заводы отнесены на задний план, их изображают в одном цвете, чаще всего в черном (при наличии выбора цветов у информанта). Также часто встречаются жилые дома, детские площадки, развлекательные центры, торговые объекты, зеленые насаждения (парки, леса), горы, памятники и культурные учреждения.

Важным элементом рисунка являются дороги. Они разделяют город на секторы по функциональному признаку. Происходит своеобразная «концентрация» мест. Дороги являются образом современного общества, они позволяют быстро добраться из одного места в другое. Иными словами, дороги современного города — это образ развития и благополучия. Железные дороги рисуют реже. В ряде случаев на картах встречаются люди, иногда рассеянные, а иногда организованные по парам, с детьми и т. д.

Очень часто на рисунках присутствуют памятники Ленину, реже обелиски (обычно павшим во время Второй мировой войны). В данном случае сказывается опыт школьной жизни, занятия в краеведческих кружках. Церкви становятся практически обязательным элементом рисунков города. Для молодого поколения (поколение 20-тилетних) наблюдается равная степень значимости подобных памятных мест, смешение памятников досоветского, советского и постсоветского периодов.

Любой элемент городской среды, запечатленный на ментальной карте, может выразить разные смысловые значения. Торгово-развлекательные центры могут рассматриваться и как признак общества потребления (они есть), и как символ благосостояния, и как возможность организации собственной жизни, досуга. Завод является показателем индустриальной мощи территории, благодаря которой конструируется особая идентичность, прочно связывающая работников, жителей города в единую общность. В то же время он может восприниматься как источник занятости, дающий возможность работать и получать заработную плату. Для моногородов изображение индустриальных элементов на карте отражает чаяния и надежды населения, завод гарантирует устойчивое развитие города.

Объекты символизации можно разделить на индустриальные и неиндустриальные, глобальные и локальные. Явно считаются индустриальными, глобальными и локальными.

стриальные элементы (символы) городского пейзажа — однотипное типовое жилье, организованная детская площадка с одинаковыми элементами (горки). Глобальные элементы на картах присутствуют в виде торгово-развлекательных центров, являющихся «хранилищами» брендов. Присутствуют и составляют часть рисунка локальные элементы ландшафта — водоемы, горы и пр. Информанты склонны подчеркивать именно эти элементы, выделять их на фоне других. Однако при этом у нас нет историй о том, что эти места функционируют как «места памяти» — в вербальном дискурсе их обнаружить не удалось.

Символический капитал территории может быть выражен в ментальных картах, поскольку даже в процессе их создания происходит инкорпорация такого капитала — определение и обозначение знаковых (значимых) мест (социально одобряемых), повышающих престиж города и, возможно, свой собственный имидж. Элементы ментальных карт дают представление о формах капиталов, включенных в оборот в рамках изображенного города. Какие капиталы получают символическое выражение?

1. Индустриальный или промышленный капитал. Этот капитал задает функциональное ядро идентификации территории. Через эти качества территория приобретает статус монофункциональной или моноиндустриальной. Этот капитал символизирует специфику трудовой занятости и до некоторой степени востребованный квалификационный профиль населения города.
2. Административный капитал. Власть на рисунках не получила четкого визуального воплощения, исключением является изображение мэрии города Екатеринбурга, однако и она представляет собой скорее просто красивое здание, расположенное в центре города, а не олицетворяет / символизирует какие-либо атрибуты власти.
3. Торговый / развлекательно-досуговый капитал представлен в виде учреждений торговли, проведения досуга. Обращает на себя внимание особая любовь информантов к современным стандартам ведения торговли, например, торгово-развлекательные центры, в которых объединяется потребление, досуг и другие функции.
4. Природный капитал, например, горы, реки, озера, пещеры и пр.
5. Исторический капитал — в нашем случае это, как правило, молодые российские города, имеющие скудную историю, которая ограничивается обелисками погибшим воинам или труженикам тыла, а также церквями или их развалинами. В этой связи особый интерес приобретают сочетания разных этапов развития страны (досоветский, советский и постсоветский).
6. Человеческий капитал — в виде людей, гуляющих пар, отдыхающих детей и пр. Хотя надо отметить, что «человеческое измерение» горо-

да характерно не для всех карт — некоторые информанты, рисуя город, не изображали в нем людей.

7. Жилищный капитал — характерные черты застройки, количество этажей в домах, благоустройство, индивидуальные, многоквартирные дома, оформление фасадов домов, состояние подъездов.

Капитал, с одной стороны, диверсифицирует территории, делая их непохожими друг на друга, но с другой, структурные элементы этого капитала в целом схожи. В целом же важным становится не феноменологическое различие капитала, а его конфигуративные свойства, поскольку именно они в конечном итоге определяют «дружелюбность» территории для населения городов, привлекательность для потенциальных посетителей города (например, туристов), а также инвесторов (см. рис. 2).

«Я из Нижнего Тагила, поэтому и нарисовала свой город, как и просили. А главное в нашем городе, это, конечно же площадь, как и во всех городах. У нас, это театральная площадь, где и расположен главный театр нашего города. Это драматический театр. Мой город — яркий, красочный, хоть это и не очень так. Одной из старых гор является Лисья гора, это самая старая гора... Эта гора очень важна была в древности, потому что с нее смотрели, где пожар. 5 районов города, и 5 таких штучек таких, на которых огонь зажигался. Если виден пожар, то сразу зажигается огонь и сразу пожарные туда едут. Я, конечно, нарисовала наш завод, без которого... Металлургический завод, без которого не прожила бы наша область... И гора Белая, горнолыжный наш комплекс» (ж, 19 л., Екатеринбург, 2011).

Рис. 2. Ментальная карта Нижнего Тагила

Таким образом, места памяти, которые люди изображают на картах, *уже* являются отражением выбора элементов пространства, которые нагружаются особой символикой и тем самым выражают структуру приоритетов восприятия города.

Исследование позволило выявить особенности восприятия городских пространств индустриального Урала, зафиксировать элементы пространства, обладающие относительно высокой степенью капитализации: к ним относятся заводы, памятники и элементы природной среды. Жилые дома присутствуют практически на каждом рисунке, но далеко не всегда являются центром изображаемой территории, обычно они составляют фон, контекст, в который включены центральные элементы. Конфигурации и взаиморасположенность элементов позволяют обнаружить любопытную особенность построения образа индустриальных городов — они центрированы на символически значимых элементах, которые являются материалом для прикрепления населения к территории и конструирования локальной идентичности.

В целом же символический капитал территории во многом определяется избирательностью и длительностью процесса коммеморации. Ментальные карты являются одним из эффективных способов исследования и измерения символического капитала, поскольку в процессе рисования актуализируется неразрывная связь между эмоциональными и когнитивными элементами восприятия территории.

Литература

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: 4 М. 2010. № 31. С. 5–29.

Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. 2011. № 1. С. 208–224.

Латур Б. Когда вещи дают сдачи // Вестник Московского университета. 2003. Сер. 7. Философия. № 3. С. 20–39.

Линч К. Образ города М.: Стройиздат, 1982 [<http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch.htm>] (дата обращения 07 апреля 2013 г.).

Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. Пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.